

Разговаривали двое.

Голоса — тонкий и погуще — звучали взволнованно.

— Если дома не станет, — пищал один, — нас не станет тоже!.. Куда мы денемся? Мы не можем...

— Не можем, не можем! — передразнивал второй. — А что делать?! Что предпринять?..

— Раньше нужно было думать!

— О чём?! Ничего не должно было случиться! Триста лет и три года ничего не менялось, а тут такое!..

— Если бы пораньше, если бы сразу, — сокрушался писклявый, — мы бы подготовились! Что угодно можно отдать, лишь бы время вернуть!

— Пустая болтовня! Что отдать?! Да и что мы можем сделать, отравы ему подмешать?

— Да хоть бы отравы, — воинственно пищал первый. — За этот дом ничего не жалко.

Собеседники помолчали.

— А если не жалко, — осторожно начал второй, — то я тут кое-что измыслил.

— Что, что?..

— Погоди, расскажу. Нам же не просто так!.. Нам надо, чтобы никто, ни одна живая душа не заподозрила, что мы в этом... замешаны.

— Это да, это чистая правда.

— Так вот. Мы сделаем всё чужими руками.

— А как, как?..

— Да погоди ты!.. Надобно всё обставить так, словно нас нет и не было.

Первый тоненько захихикал:

— Так нас ведь и вправду нет. А были, нет ли... Какая уж теперь разница!

Василий Васильевич Меркурьев из окна машины смотрел, как ноябрьская Балтика катит тяжёлые, ртутные, волны — до самого горизонта, до неба. Песчаные пляжи залиты серым дождём. Должно быть, летом этот песок бывает весёлым, солнечным, горячим!.. Должно быть, на нём приятно валяться и ходить, загребая его босыми ногами. Сейчас он был весь исхлёстан дождём и ветром, и трудно вообразить, что на этих берегах возможны лето и солнце.

Василий Васильевич вздохнул.

Дорога всё время шла по берегу моря, лишь иногда разросшиеся деревья скрывали его от глаз, но гул — тревожный, неумолчный гул осеннего моря — никуда не исчезал, заполнял собой весь мир, и в голове у Василия Васильевича тоже шумело море.

— В первый раз у нас? — спросил водитель, поглядывая на пассажира в зеркало заднего вида. — Время уж больно неподходящее для отпускников-то!..

— Не первый, — сказал Меркурьев. — Я каждый год тут.

— И всё в ноябре?.. — удивился водитель.

— Осенью, да, — подтвердил пассажир. — Я летом отпуск не беру.

— Чего это?!

Пассажир опять уставился в окно.

— Я работаю в Бухаре на газовой станции. Газопровод через пустыню тянем, — пояснил он. — Так от жары этой окочуриться можно, веришь, нет?.. Как в апреле начинается каждый день сорок градусов, так жарит до октября. И ни одного дождя! В октябре двадцать пять, это уже подарок судьбы! Поэтому я в отпуск

только по осени и только на холодное море езжу, отдохнуть малость.

— Да, — сказал водитель с сочувствием, — тогда понятно. Ну, у нас тут дожди каждый день, наслаждайся!..

Бухарец кивнул.

— А чего в глухомань такую? Твоя гостиница — это ж дыра захолустная!.. Полтора часа едем, никак не доедем. Вроде нефтяники — народ не бедный, можно себе позволить!..

— Да какой я нефтяник? — возразил бухарец. — Я инженер на газопроводе!

— И чего? Нормальную гостиницу не мог снять, вон хоть в Светлогорске! Там по крайней мере культурно, есть где пивка попить, есть где пройтись с барышней под ручку. Чего тебя в самый глухой угол-то несёт?..

Василий Васильевич опять вздохнул. Оправдываться перед водителем ему не хотелось, но он чувствовал, что... должен.

— Я картинки в интернете посмотрел, мне понравилось, — сказал он. — И море прямо под окнами, и маяк, и буковая роща.

— Маяк не действует уже сто лет.

— Так ведь и я не пароход! Какая мне разница, действует, не действует!.. Главное — красиво.

— Красоту, значит, любишь, — заключил водитель.

— Люблю красоту, — покаялся Василий Васильевич. — И пустыня надоела. Хочу, чтоб море и лес. И дождь.

Водитель покрутил головой — чудно!

— Ну, получай свой лес и дождь. Вон гостиница твоя.

Трёхэтажный, узкий, как готический собор, старый немецкий дом с двумя круглыми башенками и черепичной крышей почти терялся на фоне буйных красок осеннего леса. К нему вела узкая дорожка, засыпанная

красным гравием. Дорожка петляла по лугу, обходя ручей, и у самой решётки пересекала его по горбтому каменному мостику. Ворота стояли настежь, и похоже было, что они никогда не закрываются.

— Посёлок с той стороны, — продолжал водитель. — На тот случай, если в лесу сидеть надоест!.. Там и кафешка есть, и ресторан «Беккер» приличный, и продовольственный — водочки взять.

Василий Васильевич смотрел в окно и кивал.

— Остановка автобусная в километре, можно и до Калининграда доехать. А хочешь, меня вызывай, я тебе телефончик оставлю! Слышь, бурильщик?

— Оставь, — согласился Меркурьев.

Шурша шинами по красному гравию, машина подъехала к островерхому дому и остановилась. Водитель заглушил мотор, и сразу стало слышно, как дождь барабанит по крыше, как шумит лес, и гул моря тоже надвинулся, словно расширился.

Василий Васильевич вылез из салона, накинул капюшон и выудил из заднего кармана джинсов кошелек. Водитель уже поставил под чугунный козырёк две его сумки.

— Ну, бывай, бурильщик! Соскучишься, звони, не стесняйся! Покатаю!..

Василию Васильевичу хотелось, чтоб он поскорее уехал.

— День добрый, — пробасили у него за спиной, и бабахнула тяжёлая дверь. — Мы вас ожидаем. Самолёт опоздал?

— Ехали долго, — Меркурьев повернулся.

Крепкий краснолицый старик в вельветовых брюках и твидовой куртке с кожаными заплатами на локтях протягивал руку, вид у него был приветливый.

— Виктор Захарович, хозяин гостиницы. Вы, стало быть, мой гость. Добро пожаловать.

— Меркурьев Василий Васильевич. — Гость тоже протянул руку. Твидовая куртка и вельветовые брюки

его поразили — хозяин выглядел точь-в-точь как английский помещик. — Из Бухары.

— Живёте там?

— Работаю. Уже два года.

— Ну, расскажете, — неожиданно заключил хозяин. — Пойдёмте под крышу, холодно сегодня. Того гляди, снег пойдёт.

И взялся за сумки.

— Да я сам!..

Одну сумку Меркурьев отбил, а вторая осталась у старика, который всё повторял, что обслуживание у них на высоте.

Двойная тяжёлая дверь открывалась в вестибюль, где было полутемно из-за деревянных стенных панелей и закопчённых балок на потолке. Возле единственного узкого и высокого окна с витражом помещались два кресла и столик, на столике лежали какие-то журналы и книжка страницами вниз. Широкая чугунная лестница с поворотом вела на второй этаж, под лестницей стояла цветочная подставка, в ней разноцветный лохматый букет — астры. По левой стене зияла огромная пасть камина с наборной полкой разноцветного мрамора. Василий Васильевич вновь удивился — как и твидовой куртке. Он никогда не видал каминов в прихожих!..

Лестница неожиданно загудела, вздрогнула, и по чугунным ступенькам скатилась девица. И гость, и хозяин, задрав головы, уставились на неё.

Красивая девушка, подумал Меркурьев.

— Виктор Захарович, — закричала девица. — Интернета опять нет! Что такое, а?

— Должен быть, Кристина.

— Должен, а нету!.. Где Стас?

Хозяин подтолкнул Меркурьева к лестнице.

— Познакомьтесь, молодые люди. Кристина, это Василий Меркурьев, приехал к нам погостить из Бухары.

Девушка уставилась на гостя. Глаза у неё были тёмные и любопытные, как у мыши.

— А Кристиночка здесь, в Калининграде, учится в университете. Будущий историк!..

— Фу, как вы скучно говорите, Виктор Захарович! — фыркнула девушка и с лестницы протянула Меркурьеву руку, как для поцелуя. Он подошёл и осторожно её пожал, удивившись перстню. На безымянном пальце у девушки было диковинное кольцо с огромным зелёным камнем. — А что вы там делаете, в Бухаре? Работаете в медресе?

— На газопроводе, — сказал Меркурьев и отступил от лестницы на безопасное расстояние. Девушка показала ему очень бойкой.

— Все, кто работает на газопроводе, — провозгласила девушка, — должны отдыхать в казино Монте-Карло! А интернета нету, Виктор Захарович! И Стаса тоже нет?

— Я точно не знаю, Кристиночка, но, по-моему, он катается на велосипеде.

— В такую дождину?! — ужаснулась Кристиночка. — Ну, бог ему судья. Тогда я сервер сама посмотрю. Может, его просто перезагрузить надо. А?..

— Сколько хотите, — разрешил хозяин. — Пойдёмте, Василий Васильевич, провожу вас в комнату.

Узкий коридор привёл их в просторную гостиную, окнами смотревшую на море. Стеклопакетные двери с чугунными запорами выходили на залитую дождём лужайку. Меркурьев подошёл и посмотрел. Слева был мокрый буковый лес, о котором он так мечтал в пустыне, справа, далеко на мысу, старый маяк. Волны подкатывали к самому его подножию, выхлестывали вверх, почти до стен, отступали, собираясь с силами, и снова накатывали.

— Здесь можно выйти к морю, — сказал хозяин и подвигал чугунную задвижку. — Мы двери на зиму не запираем. Да вы не думайте! У нас тоже погодка бывает прекрасная, не то что сейчас.

— Сейчас как раз прекрасно, — пробормотал Меркурьев.

Створка распахнулась, ворвался солёный и плотный ветер, отбросил лёгкую занавеску, растрепал волосы.

— Шу-уф, — очень близко сказало море. — Шу-уф!..

Меркурьев зажмурился.

— По пляжу променад идёт, — продолжал Виктор Захарович, закрывая дверь. — Пять километров, для прогулок отличнейше!.. Мимо маяка и дальше, к посёлку. Вы непременно воспользуйтесь, Василий Васильевич. Ну, здесь у нас завтраки, — хозяин распахнул дверь в следующую комнату.

Меркурьев заглянул.

Тут стояли столы, четыре или пять, все разные и потому интересные, старинные кресла, лампы с фарфоровыми пастушками и охотничьими собаками, буфет, на нём тарелки, за резными стёклами бутылки и хрусталь. На отдельном столике — кофемашина, новенькая, сверкающая, самодовольная. Меркурьеву немедленно захотелось кофе.

— Это всегда пожалуйста, — проговорил хозяин. — В смысле кофейку попить!.. Приходите в любой момент, мы за это денег не берём. А завтрак каждый день с семи до одиннадцати часов. Обед с часу до трёх, а ужинаем с семи.

— То, что нужно, — одобрил Меркурьев.

— Там библиотека, вы сами заглянете. Это дело небывстрое — книги смотреть. Небольшая, но вполне приемлемая. Ещё отец мой в своё время начал собирать, а я продолжил. А вам сюда. По этой лестнице на второй этаж.

«Эта» лестница оказалась деревянной, со скрипом, как положено. Истоптанные ступени были широкими, пологими, перила отполированы, начищены медные завитки.

— Нинель Фёдоровна старается, — заметил Виктор Захарович, когда Меркурьев сказал, что дом у него

превосходный. — Её усилиями и молитвами держимся. Она здесь всем хозяйством управляет, никому спуску не даёт!.. Если б не она, давно бы дом развалился.

Меркурьев не понял, всерьёз говорит хозяин или нет.

В коридоре на втором этаже было всего три или четыре двери. Виктор Захарович отпер ближайшую, пропустил Меркурьева вперёд, зашёл и поставил сумку.

Василий Васильевич тоже скинул с плеча надоевшую ношу, вошёл и огляделся.

Комната оказалась большой — ничего подобного гость не ожидал. Одним окном она смотрела на лес, а двумя другими — на море. На море выходила и балконная дверь. Пол был деревянный, ничем не застланный, только небольшой коврик перед камином.

— Если совсем похолодает, затопим, — сказал про камин Виктор Захарович. — Вот здесь рукоятка, видите? Это заслонка. На себя — открыть, от себя — закрыть. Если замёрзнете, закроете. Дует из него, из камина, сильно. Так раньше строили!..

Меркурьев кивнул.

— Ну, располагайтесь, располагайтесь!.. Народу у нас немного, живём мы дружно, я вас со всеми познакомлю.

Должно быть, Василий Васильевич слегка дрогнул лицом, потому что хозяин засмеялся и похлопал его по плечу.

— Живём, — повторил он, — но друг дружке стараемся не мешать! Вот только сейчас спиритические сеансы практикуем, а так...

— Что такое?..

Хозяин махнул рукой.

— Сами всё увидите. Велосипеды, если хотите кататься, в подвале. Скажете, я достану. Отдыхайте.

Вышел и аккуратно прикрыл за собой дверь.

Василий Васильевич прислушался.

Ничего не было слышно за толстыми стенами старого дома, да и море шумело прямо за окном — шу-уф! Шу-уф!..

Первым делом он в разные стороны отдёрнул шторы — сразу стало светлее, — открыл дверь на балкон и вышел.

Дождь перешёл в мелкую морось, и непонятно было, сыплется эта морось с небес или летит от волн. Ветер немного улётся, и буковый лес шелестел спокойно, легко. Внизу по деревянным доскам настила кто-то шёл — в длинном плаще и островерхом капюшоне, Меркурьев подумал рассеянно: должно быть, монах из близлежащего монастыря отправился на пристань встречать рыбацкую лодку. Или таможенную!.. Может, настоятель велел передать письмо для епископа.

И засмеялся с удовольствием.

Монах, епископ, таможенная лодка под дождём, ныряющая носом в волну, — всё это так легко и приятно придумывать в старом немецком доме на взморье!

Какие же тут ещё гости, о которых Виктор Захарович сказал, что они — дружные?.. Кто ещё здесь наслаждается холодом и ненастьем?..

Островерхая тень исчезла из виду, и снова никого.

Нужно будет непременно сходить на маяк. И в лес!.. Наверняка в траве и опавших листьях ещё можно разыскать увесистые, крепкие осенние грибы!..

Обеими руками он стряхнул влагу с волос, зашёл в комнату и плюхнулся в кресло. Дверь на балкон закрывать не стал, с наслаждением вытянул ноги, одну о другую стащил кроссовки, повозился немного и закрыл глаза.

Перелёты всегда давались ему с трудом. Спать в самолётах он не мог, сильно уставал, мечтал побыстрее добраться.

На паспортном контроле в Бухаре он проторчал часа полтора — среди полосатых тюков, ящиков, замотанных плёнкой баулов и громогласных людей,

обливающихся потом. Дети и женщины в отдельной очереди — как положено на Востоке — кричали и гомонили, мужчин из его очереди всех пропустили, а Меркурьев застрял. Он всегда застревал на этом проклятом контроле!.. Усатый пограничник сначала в одиночку, а потом, призвав на помощь сотоварищей, всё что-то искал в его ноутбуке, телефоне, паспорте.

— Запрещённое взёшь? — спрашивал по очереди каждый из стражей, Меркурьев честно отвечал, что ничего запрещённого у него нет, но они не отвязались, пока не открыли и не просмотрели все папки, все файлы с фотографиями и даже книжку Богомолова «Момент истины», скачанную из интернета.

Почему-то книжку смотрели особенно тщательно, чуть не каждую страницу.

Меркурьев знал, что ищут они «порнографию» — сколько раз он летал, столько раз искали!..

От поисков «порнографии» Василий Васильевич совершенно изнемог, но на борту всё равно не спал. Попутчики, объединившись с женщинами и детьми, шумели и кричали по-узбекски, хохотали и переговаривались из одного конца салона в другой.

Потом переезд из Внукова в Шереметьево, снова самолёт, и вот, наконец, — можно открыть дверь в осень, вытянуть ноги, дремать, никуда не спешить и ни о чём не думать.

Ветер теребил штору, тихонько позвякивали деревянные кольца, море вздыхало, и время от времени шелестели деревья.

Хорошо бы накрыться. На диване лежало свёрнутое лоскутное одеяло, совершенно здесь неуместное, но Меркурьеву было лень вставать.

Кажется, он заснул и проснулся оттого, что кто-то разговаривал совсем близко.

— ...чем меньше, тем лучше, — сердито говорил один. — А они всё прибывают!

— Никакой разницы, — возражал второй. — Наоборот, чем их больше, тем удобней! Нам удобней! Никто не должен догадаться.

— Кольцо нужно забрать сразу. Чтоб его не было, и всё тут.

— Кольцо заберём. Это я сам сделаю. Поручать никому не буду.

Меркурьев открыл глаза. Ему вдруг показалось, что разговаривают у него в комнате.

Что за ерунда? Никого здесь нет и быть не может.

Сумерки сгустились, окна и распахнутая балконная дверь светтели в предвечерней мгле, будто немного светились.

— Времени мало, — продолжал сердиться первый голос. — А тут и кольцо, и... всё остальное! А отсчёт уже начался.

— Успеем, — говорил второй. — Вот увидишь.

Меркурьев приподнялся и огляделся с изумлением.

Ну нет никого! Кто здесь может быть?!

Он встал, нашарил кроссовки и вышел на балкон.

На улице было светлей, чем в комнате, и море почти успокоилось, на нём лежал ровный жемчужный свет. Лес, наоборот, потемнел и надвинулся. Меркурьеву показалось, что в глубине, за деревьями, возится и двигается что-то большое.

По брусчатке со стороны моря поднимался человек. Он вёл велосипед и, заметив на балконе Меркурьева, приостановился, поздоровался и прошёл дальше, к дому.

— Добрый вечер, — сказал с балкона Василий Васильевич.

А что ещё сказать-то?.. Это не вы тут сейчас разговаривали о делах?

Он постоял немного, вернулся в комнату, задёрнул штору, но дверь закрывать не стал — пусть пахнет дождём и морем!.. Сумки, набитые вещами, стояли одна

под дверью, другая возле столика, но Василию Васильевичу скучно было думать о вещах.

Обустроиваться — раскладывать барахло, вытаскивать зарядники, рассовывать их по розеткам, выставлять к двери башмаки — он будет завтра.

Отпуск только начинается, сегодня даже не первый день. Отсчёт начнётся с завтрашнего!..

Кажется, те двое тоже говорили что-то про отсчёт.

Василий Васильевич с трудом выпростал из тугого брюха сумки чистую рубашу и безразмерные полотняные штаны с карманами на всевозможных местах — очень удобная штука! — босиком прошлёпал в ванную и долго стоял под душем, отогреваясь. Он и не подозревал, что сильно замёрз, пока не влез под горячую воду!..

Потом, пытаясь разглядеть себя в запотевшем зеркале, прикинул, бриться или не бриться. По-хорошему стоило бы, тем более... девушка Кристина, будущий историк из Калининграда, присутствует!.. Но лень страшно!..

С одной стороны — будущий историк, с другой — лень. И что делать?

Меркурьев решил ничего не делать.

Не буду бриться. Отсчёт начинается с завтрашнего дня.

Он сунул босые ноги в кроссовки — холодные и слегка влажные внутри, — и это доставило ему удовольствие.

В пустыне никто не ходит на босу ногу. В пустыне надевают длинные носки и ещё заправляют штаны в высокие ботинки, завязывают их и зашнуровывают!.. В пустыне в самую жару сидят в брезентовых куртках и панамах с жёсткими полями, непременно прикрывающими шею. Местные умеют наматывать платки и тряпки, и так защищаются от зноя, а приезжие европейцы изнемогают, истекают потом, безостановочно пьют воду, и всё равно ничего не помогает. Сохнет

во рту, сохнут глаза, в уши и в нос набивается мелкий песок и потом долго, месяцами, не вымывается. Меркурьев пробовал принимать какие-то американские таблетки, которые продавали контрабандисты. Таблетки эти вроде бы выдавали морским пехотинцам, воюющим на Ближнем Востоке, для «восстановления водно-солевого баланса», но «баланс» и от таблеток не восстанавливался.

Э-эх, я же в отпуске!.. И мои окна выходят на море, в комнате темно и влажно, блестит под балконом в свете фонарей мокрая брусчатка, что может быть лучше!..

Василий Васильевич пригладил волосы, торчавшие в разные стороны и, прихорошившись таким образом, вышел в коридор.

Снизу слышалось звяканье посуды и тянуло запахом вкусной еды.

Оказывается, есть хочется!.. И уже давно хочется!.. Что там Виктор Захарович говорил про кофе? Может, выпить до ужина, чтобы с голоду не перекинуться?..

— Вы кто? — спросили из угла.

Меркурьев вздрогнул от неожиданности.

Темнота в углу коридора, куда не доставал свет торшеров, зашевелилась, и из неё выступила тёмная фигура.

— Вы не из наших, — продолжала фигура, не приближаясь. — Зачем вы приехали?

Василий Васильевич слегка откашлялся.

— Добрый вечер, — сказал он громко.

— Здесь скоро начнутся серьёзные события, — продолжала фигура. — Вы хотите быть свидетелем?..

— Я поужинать хочу, — признался Василий Васильевич. — Разрешите представиться, Меркурьев. Инженер.

Фигура колыхнулась, тёмное пятно поплыло ему навстречу.

— Антипия, — произнесла фигура.

— Где? — не понял инженер Меркурьев.

— Перед вами. Антипия — это я. Заклинательница потусторонних сил. Духовная дочь учителя Сантаны, последовательница Пуришты.

— М-м-м, — промычал Василий Васильевич, не зная, как нужно приветствовать последовательниц Пуришты и духовных дочерей Сантаны. — Я рад...

Она выступила на свет и оказалась молодой женщиной, облачённой в яркие шелка. На лбу у неё, разумеется, была точка. Меркурьев посмотрел на точку, перевёл взгляд и опять посмотрел, не удержался.

— Вы приглашены на шабаш?

— Нет, — быстро сказал Меркурьев. — Я вообще-то в отпуске.

— Здесь?! — поразились духовная дочь Сантаны. — Вот в этом месте?

— Я пойду? — полувопросительно сказал Василий Васильевич. — Поужинаю?

И не дожидаясь ответа, скатился по ступеням.

Может, она уедет, подумал он жалобно. Может, шабаш назначен на завтра, а послезавтра её уже здесь не будет?.. А завтра я гулять пойду — с самого утра и до самого вечера.

А вдруг их тут... много? Духовных дочерей и сынов самого Сантаны?! Вдруг у них тут гнездо? И шабаш будет происходить в гостиной? Тогда придётся искать, куда уехать и уезжать, а не хочется!.. Меркурьев здесь уже прижился — всего за несколько часов, и ему радостно было, что дом соответствует его настроению и желаниям!..

Из ярко освещённой гостиной слышались голоса, и Василий Васильевич, воровато оглянувшись на лестницу и убедившись, что погони нет, направился туда.

Как только он вошёл, все оглянулись, и хозяин воскликнул с излишним энтузиазмом:

— Ну наконец-то! Заждались, заждались. Разрешите представить, Василий Васильевич из Бухары. Сегодня приехал.

— Василий Васильевич — хорошее узбекское имя, — сказала молодая дама в обтягивающих джинсах и с распущенными чёрными волосами. — Главное, запомнить легко.

Меркурьев обвёл взглядом общество.

Кристина, разложив на старинном столе пластмассовые штуки, что-то делала с телефоном, то ли ломала, то ли чинила. Молодой человек с окладистой ухоженной бородой сидел в кресле нога на ногу и смотрел, как она чинит или ломает. Черноволосая и обтянутая пила из высокого бокала какой-то коктейль и усмехалась довольно язвительно. Меркурьев понял, что усмехается она на его счёт.

— Ну-с, с Кристиной вы знакомы!.. — бодро продолжал Виктор Захарович. Кристина мельком улыбнулась, не выпуская из рук пластмассок. — Софья, — он показал на брюнетку, — из Москвы, у нас впервые, как и вы, Василий Васильевич. Стас тоже из Москвы, занимается компьютерами, наш постоянный гость.

Бородатый весело пожал плечами, как будто сознавая в том, что это странно, конечно, но — да, он постоянный гость.

— Занимается компьютерами, а роутер то и дело висит, — пробормотала Кристина. — В сеть не выйдешь.

— Нужно вместо воздушки нормальную линию тянуть, — сказал бородатый. — Я Виктору Захаровичу уже десять раз говорил.

— И как оно там, в Бухаре? — спросила черноволосая Софья у Меркурьева. — Абрикосов много?

— Абрикосов много и жарко, — согласился Василий Васильевич. — А где дают то, что вы пьёте? Я тоже хочу.

— В буфете! — вскричал Виктор Захарович. — Вот я, голова садовая, даже не предложил!

Василий Васильевич был торжественно и со всяческими извинениями препровождён к буфету, где из

множества бутылок можно было выбрать любую и налить из неё. Всевозможные бокалы, фужеры, стаканы и рюмки стояли тут же.

Меркурьев прикинул, чего ему хочется, и вышло, что хочется джина с тоником. В настольном холодильничке были наставлены всякие банки и бутылочки, и тоник среди них нашёлся. И лимон был приготовлен, и лёд в запотевшем ведёрке-термосе.

Таксист сказал про это место — дыра или глухомань, как-то так. Но на дыру вовсе не было похоже!..

Сейчас, когда горел свет и были задёрнуты шторы, гостиная казалась самым уютным местом на Земле. Цветы в старинных вазах, вышитые салфетки, диван с подушками — всё очень мило, но ничего лишнего. Ни нагромождения пыльных безделушек, бессовестно выдающих себя за украшение интерьера, ни полиэстеровых ковров, прикидывающихся натуральными, ни дерматиновых кресел «под кожу».

Меркурьеву здесь нравилось.

Ему даже стаканы в буфете нравились, и он с удовольствием думал о том, что не ошибся с выбором, что Виктор Захарович большой молодец и хорошо бы ещё заклинательница потусторонних сил побыстрее выехала на шабаш и больше не возвращалась.

— У нас тут скучновато, ничего не скажешь, — говорил в гостиной Виктор Захарович. Меркурьев, наливая джин, прислушивался. — Специфическое место. Но у каждого свой вкус.

— У меня дело, — объявила Кристина. — Я не просто так приехала. Мне летом диплом писать, а тут рядом форт и замок семнадцатого века! У меня тема как раз «Прусская культура семнадцатого-восемнадцатого веков». Я фотографий поднаберу. Может, с краеведами повстречаюсь. Тут муж и жена Гуссен работают. Говорят, они ещё из тех немцев, ну, которые настоящие, после войны остались.

— А мне ничего не нужно, — сказал бородатый Стас. — Только на велосипеде кататься и на диване лежать. У меня в Москве работа ответственная, а здесь я отдыхать хочу!..

Меркурьев сделал глоток — вкусно! — и со стаканом в руке вернулся в гостиную.

— Если заскучаю, сразу уеду, — мельком оглянувшись на него, промолвила Софья. — Я никогда не бываю в таких местах!.. Вот первый вопрос, который нужно себе задать, когда в отпуск собираешься: что там делать? И если ответа нет, ехать не стоит. А у вас, дорогой Виктор Захарович, делать, прямо скажем, со всем нечего.

Хозяин картинно развёл руками.

— На вкус и цвет, как говорится! Летом у нас не протолкнуться, любители морских купаний и прогулок приезжают и живут подолгу. Море в двух шагах, вокруг ни души, лес и ручей. Тишина опять же!.. Кто веселье любит, а кто тишину, спокойствие.

— Вы что любите? — неожиданно перебила его Софья, обращаясь к Меркурьеву. — Тишину или веселье?

— Веселюсь я на работе, — сказал Меркурьев. — У нас совместный проект с китайцами. Сплошное веселье.

— А что? — заинтересовался Стас.

Василий Васильевич пожал плечами:

— Народ они... своеобразный. И язык у них своеобразный. Там, где разговаривают трое китайцев, находиться невозможно!.. А где десять, вообще!..

— Древняя раса, — заметила Кристина. — Язык тоже древний, тоновый. Нашему уху кажется, что они всё время общаются на повышенных тонах, а это со всем не так. Просто особенность такая.

— Нашему уху кажется, что они вот-вот подерутся, — подтвердил Меркурьев и подсел к ней. — Что это такое? Что вы делаете?

— Починяю Виктору Захаровичу телефон, — Кристина снова принялась за свои пластмасски. — У него всё время аккумулятор вываливается.

Она соединяла какие-то части, которые то и дело снова разваливались. На левой руке у неё был всё тот же перстень — огромный зелёный глаз. У Меркурьева он почему-то вызывал тревогу.

— Выбросить надо телефон вместе с аккумулятором, — высказался Стас. — Я Виктору Захаровичу сто раз говорил. Ты всё равно его не починишь, Крис.

— Если телефон произвели китайцы, — сказал Василий Васильевич и поставил стакан с джином на стол, — точно не почините.

— Почему это?!

— Можно я взгляну? Потому что у них всё одноразовое, у китайцев. Телефоны одноразовые, ботинки одноразовые, машины и то одноразовые. Починке не подлежат.

— В двадцать первом веке живём, — протянула Софья, пристраиваясь на диван, — и всё про какую-то починку разговоры ведём! Уж в новом тысячелетии, наверное, можно со старьём не возиться?! Выбросить его на помойку, а новое купить.

Меркурьев прикладывал друг к другу пластмасски и мельком взглянул на Софью.

— Пробросаемся, — сказал он, — если продолжим выбрасывать.

— В каком смысле?!

— Так ведь мир в тупик зашёл, — объяснил Василий Васильевич. Он много раз об этом думал. — Ничего не делается надолго, с гарантией. Всё, что приходит в негодность, немедленно выбрасывается! Где разместить свалки, чтобы они вмещали всё выброшенное? Где взять ресурсы на новое? Землю, воду, лес, железную руду?.. Мне на день рождения подарили дрель, — тут Меркурьев подумал и добавил, — китайского производства. При первой попытке просверлить дырку дрель

сломалась. Я даже подумал, что она нужна, должно быть, не для того, чтобы дырки сверлить, а чтобы она была. Просто у меня есть дрель, а сверлить ею необязательно! Я попытался её починить, но она так устроена, что из-за пустяка — привод полетел — починить её нельзя, только выбросить. Весь механизм выбросить, с мотором, со всем металлом, из которого она сделана!..

— Чистую правду говорите, — поддержал его Виктор Захарович. — Как хозяин подтверждаю!

— Мы в наших установках целые секции вырезаем, потому что клапаны летят, но поменять их нельзя, и всё тут!.. Выбрасывай весь блок! И так везде. Это называется — стимуляция спроса. Чем больше выбрасывают, тем больше покупают, следовательно, больше производят.

— Скукота какая! — зевнула Софья.

— Есть клей? — спросил Меркурьев у хозяина. — Любой! Сейчас вот сюда капнем, и какое-то время продержится.

— Спасибо, Василий Васильевич!..

— А вы прям разбираетесь, да? Во всех этих штуках?

Меркурьев допил джин, посмотрел в стакан и подумал, что ещё хочет. Надо налить.

— Руками умеете работать? Гайки крутить? — Софья непонятно улыбалась.

— Умею, — признался Меркурьев. — И люблю.

— Я-ясненько, — протянула она. — Вы модель прошлого — человек хватистый. Эта модель была в моде, когда считалось, что работать руками не только полезно, но и необходимо. Женщина должна была уметь шить и вязать, а мужчина ремонтировать машину и менять раковину!.. Сейчас это смешно!

Виктор Захарович сбоку взглянул на неё и спросил осторожно:

— Отчего же... смешно?

— Ну, глупо! — пожала плечами Софья. — Ну кому может понадобиться то, что сшито своими руками?!

Или кому придёт в голову раковину менять?! Ну, сами-то подумайте! Для этого есть отдельные люди, специалисты, они всё за вас сделают.

— Где взять клей? — спросил Меркурьев, которому надоел этот разговор.

Виктор Захарович радостно сказал, что в мастерской, он сейчас принесёт, Меркурьев возразил, что лучше сам сходит, и они ушли вместе.

— Нет, вообще он прав, — задумчиво сказала Кристина. — Починить на самом деле ничего нельзя.

Софья махнула рукой.

— Ну и что?.. Это всё такая ерунда, подумаешь! Просто он хочет, чтоб его считали умным.

— Кто считал? Мы?! — удивилась Кристина, и Софья покровительственно ей улыбнулась.

— Вы ещё девчушка совсем, — и Софья сделала некое движение, словно намеревалась потрепать студентку по щёчке, но в последний момент передумала. — Многого не знаете. Особенно про мужчин. А мужчина от всех остальных разумных существ отличается тем, что должен постоянно производить впечатление!

— Это от каких же — остальных разумных? — осведомился Стас лениво. — Ну, женщины, допустим, тоже разумные! Заметьте, я сказал — допустим! А остальные кто?

Софья махнула на него рукой.

— Я недавно прочитала в интернете, что на десять женщин приходится девять мужчин, это научный факт! Из этих девяти трое вполне пригодные в жизни особи, трое страдают интимофобией и оставшиеся трое непременно алкоголики или ещё что... похуже. Так вот эти три особи, которые нормальные, имеют огромный выбор — аж из девяти женщин!

Кристина вздохнула. Ей не нравились рассуждения Софьи, а с Меркурьевым было интересно...

— И на всех нас, на всех они хотят произвести впечатление! Мы-то, девушки, все подходящие! Вот они

и стараются кто во что горазд — кто умного из себя строит, как этот... инженер. Кто красоту наводит, — и она неожиданно подмигнула Стасу, — а некоторые на деньги упор делают. Когда у мужика денег много, он уверен, что может всё купить! Не то что гарем, планету Марс! Если ему охота, конечно.

— Планета Марс не продаётся, — проинформировал Стас, которого слегка задело замечание о наведении красоты.

— Да я не об этом.

Кристина посмотрела на дверь. Что это Виктор Захарович с инженером не возвращаются?..

Ей хорошо и весело жилось в доме на взморье, и все нравились — и старик-хозяин, и ухоженный Стас, и вновь прибывший гость понравился тоже. После Софьиных рассуждений она стала думать... в другую сторону, и эта сторона была ей... неприятна.

Бородатый компьютерщик — симпатичный, но — права столичная штучка — никого не замечает, занимается только собой. Со вчерашнего дня в третий раз меняет наряды и то и дело рассматривает в зеркале собственную бороду. Должно быть, борода была недавним приобретением, и Стас к ней ещё не привык — как к любой новой вещи!.. Впрочем, мужчины сейчас почти все такие.

Инженер не такой. Во-первых, без бороды. Во-вторых, одет так, что сразу ясно — в зеркало на себя он не смотрит никогда. В-третьих, не пацан, каких у неё на курсе полно, и не старик, лет около сорока, наверное. И приятный!.. Высокий, поджарый, словно на солнце подсушенный, руки красивые — Кристина смотрела на его руки, когда он ремонтировал телефон. И рассуждает интересно!.. И не похоже, что хвост распустил! Или... распустил, а Кристина просто не догадалась?.. Софья вот сразу догадалась, а она нет?..

— Не расстраивайся, — лукаво сказала Софья, наблюдая за девчонкой, — все мужики одним миром мазаны и все сволочи.

— Я думаю вовсе не о мужиках, — резко ответила Кристина. — А об ужине!

— Ну конечно, — окончательно развеселилась Софья.

Она внимательно наблюдала и запоминала каждую мелочь. У неё была тренированная память на мелочи и годами выработанная привычка. Впрочем, здесь, в прибалтийской осенней глуши, наблюдать было несложно — на неё никто не обращал внимания, и люди были простыми и понятными, вон как студентка! Испортить ей настроение ничего не стоит, и Софья даже немного раскаивалась, что испортила. Впрочем, она ещё не составила о студентке окончательного мнения, следовательно нужно продолжать наблюдение, не отвлекаясь на ненужные эмоции.

Не обращать внимания на эмоции, давить и душить их в себе Софья умела с детства.

Пожалуй, пока только хозяин был ей понятен, словно она знала его давным-давно. Знала и ненавидела. Душить эту ненависть не было необходимости, она была холодной и липкой, как забытый на балконе обойный клей. Если всё пойдёт как запланировано, она вышвырнет ненависть из сознания — поддаст ногой ведёрко, и оно — тью! — улетит с балкона!

Вернулись хозяин с инженером, очень довольные друг другом. Меркурьев искал глазами свой стакан, обрадовался, увидев его, и отправился за новой порцией джина.

Виктор Захарович рассматривал телефон, цокал языком и утверждал, что крышка держится как влитая.

— Вы пока подождите, — сказал Меркурьев, появляясь. — Минут двадцать его не трогайте.

Подошёл к двери, откинул штору и потянул чугунную рукоятку.

— Шу-уф, — сказала невидимое в темноте море, — шу-уф!..

Василий Васильевич вышел на каменную террасу, вдохнул полной грудью и посмотрел вверх. Тёмное небо проглядывало сквозь рваные облака, и даже звезду удалось разглядеть в облачном промельке. Василий Васильевич улыбнулся звезде.

Он был не сентиментален, но тут улыбнулся — соскучился. В Бухаре звёзды были яркие, крупные, близкие, будто нарисованные на театральной декорации, изображающей небо. А тут крохотные, едва заметные, дрожащие — свои.

— Вам здесь нравится?

Он оглянулся. Черноволосая Софья стояла справа, облокотившись о балюстраду террасы, и рассматривала его с каким-то, как ему показалось, практическим интересом.

— Нет, просто интересно, — продолжала она, потому что он медлил с ответом. — Здесь же ничего нет! Или у вас тут дама сердца? И вы явились на свидание?

— Я в отпуск.

— И прямо весь отпуск здесь просидите?! Выдержки хватит?

— Я закалённый, — признался Меркурьев. — Могу выдержать многое.

— В той стороне маяк. — Софья показала бокалом в темноту. — Такое романтическое место!

— Да?

Он должен пригласить её на романтическую прогулку к маяку, а не спрашивать «да» или «нет»! Почему не приглашает?

— К столу! — позвал из дома Виктор Захарович. — Семь часов, время ужина!..

— Пойдёмте? — предложил Меркурьев. — Очень есть хочется.

Софья рассердилась и сказала, что она ещё «подышит», а этот мужлан неотёсанный ушёл в дом!..

Перспектива кормёжки пересилила романтический интерес.

В столовой гостей встречала озабоченная женщина в тёмном платье и крохотном кружевном передничке. Василия Васильевича поразило, что на руках у неё были белые шёлковые перчатки.

— Наша белочка-хлопотунья, наша хозяйка, наш оберег, наш домашний гений Нинель Фёдоровна, — и Виктор Захарович поклонился женщине, очень церемонно.

Меркурьев решил, что у них, должно быть, так принято, и на всякий случай тоже поклонился.

— Будет тебе, Виктор Захарович. Проходите и занимайте любой стол, молодой человек. Только вот тот, большой, абонирован.

Виктор Захарович изменился в лице.

— Сегодня? — спросил он, и голос у него дрогнул.

Женщина горестно кивнула и заторопилась:

— Проходите, проходите!.. Мы готовим всего по две-три закуски и несколько горячих блюд, но у нас очень вкусно! Вот карточка, посмотрите, чего вам хочется!

Это действительно была карточка, а никакое не меню — вложенный в фигурного тиснения картон листок тонкой хрусткой бумаги. На листке каллиграфическим почерком выведены названия кушаний.

Меркурьев прочитал все названия и сглотнул голодную слюну.

Гости разместились в столовой следующим образом: к Кристине подсел Стас, Софья устроилась в одиночестве, а потом в дверях зашелестело, появились разноцветные блики, словно повернулся калейдоскоп с цветными стёклышками, и показалась Антипия.

— Приветствую вас, собравшиеся к трапезе, — провозгласила она грудным голосом.

Все смотрели, как она идёт к своему столу — разноцветные шелка развевались, высовывался острый но-

сок персидской туфли, расшитой жемчугами и камешками, летел шлейф. В столовой отчётливо запахло благовониями.

— Мне лапшу с утиной ножкой, — сказал Меркурьев домоправительнице, тоже провожавшей глазами вещунью. — И печень по-берлински с картошкой.

— С пюре, — поправила та, моментально отвлекаясь от сказочного видения. — А на закуску? Не отказывайтесь, попробуйте всего! У нас два повара, мальчик и девочка. Специально из Калининграда ездят по очереди, в училище обучаются, отличники!..

Василий Васильевич развеселился.

— Тогда салат с раковыми шейками, — решил он. — Раз уж отличники!..

— Сейчас всё, всё подадим!..

Из кухонной двери показался официант, тоже совсем мальчишка, и стал обходить гостей.

— Сегодня, — на всю комнату объявила вещунья, — нас посетит дух Иммануила Канта. Мне было видение.

— Вы не обращайтесь внимания, Василий Васильевич, — прошептал, усаживаясь рядом, хозяин. — Она смиренная! Так, взбредает что-нибудь в голову! Но мы подыгрываем, чтоб уж она на нас не сердилась.

— Вы?

Хозяин вздохнул:

— Я и... все гости. И потом — это забавно! Я вот раньше никогда с духами не общался.

Меркурьев взглянул на хозяина.

— Да не подумайте ничего такого, Боже сохрани!.. Это же сейчас модно — гадания разные, духи, экстрасенсы. Вон у них, у магов, даже специальная конференция проходит в Светлогорске. Телевидение приехало, журналисты со всей России. И наша... — Виктор Захарович кивнул в сторону Антипии, — тоже участвует. Она признанный маг и... как бишь... забыл...

— Колдун, — подсказал Меркурьев.

— Да не-ет!..

— Вампир.

— Да ну-у-у!..

— Ведьмак.

— Медиум! — выговорил Виктор Захарович. — Что вы меня сбиваете?! Она маг и медиум! Разговаривает с духами.

— О чём? — поинтересовался инженер.

— Да вы сами всё сможете увидеть! — пообещал хозяин с энтузиазмом. — Прямо сегодня! Сеансы у нас в гостиной проходят. Мы там свет гасим, шторы закрываем, достигаем необходимой обстановки.

— Ну, за вас и за духов, — сказал Меркурьев и одним глотком допил оставшийся в стакане джин.

Он как раз доедал салат с раковыми шейками, оказавшийся превосходным, когда произошло неожиданное событие.

Антипия вдруг уронила ложку, которой ковыряла в стакане с чем-то зелёным, вскинула голову, замерла, а потом медленно подняла обе руки к вискам и сдавила голову.

— Он уже здесь, — выговорила она громко.

Меркурьев, заинтересовавшись, перестал жевать и посмотрел на Виктора Захаровича.

— Кто это здесь? — спросил он одними губами. — Дух Канта явился раньше времени?

— Нет, нет, — озабоченно ответил хозяин. — Тут что-то другое.

И поспешно поднялся.

— Он грядёт, — продолжала Антипия. — Я слышу шаги. Я вижу тени. Голоса! Сейчас грянут голоса!..

В полной тишине прошла секунда, другая...

— Ну, доброго всем вечера, — грянуло в дверях так, что Василий Васильевич вздрогнул. — А я думаю, чего это нас никто не встречает?! А в тюрьге ужин по расписанию!..

Два мужика, поразительно похожие друг на друга, в абсолютно одинаковых костюмах и галстуках, ввалились в столовую, где моментально стало тесно и нечем дышать.

— А где хозяин-то?

— Приветствую! — Виктор Захарович пошёл им навстречу, вид у него был растерянный. — Как раз к столу.

— Постоловаться мы всегда рады, — прохрюкал один из мужиков.

Они и впрямь были похожи на свиней — откормленные, гладкие, слегка щетинистые. Выразительные пяточки и закрученные хвосты.

— Добро пожаловать, Александр Фёдорович!

— Да ладно тебе, отец, — окончательно развеселился свин. — Очки протри! Фёдорыч — это он, а я Николаевич!.. Иван Николаич я!

— Проходите, мы гостям всегда рады!..

— Да какие же мы гости, отец! Мы, считай, уже хозяева, а?! — И свины вновь радостно захрюкали.

Меркурьев принялся хлебать лапшу. Она была огненная, золотистая, из прозрачного бульона в звёздочках навару выглядывала бодрая утиная нога.

Его решительно, уж точно, уж никак не могло касаться происходящее, но любопытство, отчего-то смешанное с беспокойством, разбирало. Против воли он то и дело оглядывался на высокие двери, за которые Виктор Захарович увлёк вновь прибывших. Оттуда раздавались непривычно громкие голоса — куда там китайцам!..

— ...Поужинаем, пока всё горячее, а завтра за дела.

— ...Нам рассиживаться некогда, отец, чего тянуть, когда дело, считай, сделано!.. Да не дрейфь, Захарыч, держи хвост пистолетом! Мы тебя не обидим!

— Нет, нет, поужинаем сначала.

— Да чё ты заладил-то? Мы уже в приличном месте поужинали!..

— Пришла беда, — сказала, принимая у Меркурье-ва тарелку, Нинель Фёдоровна. Лицо у неё потемнело, постарело. — Я всё не верила...

— Что такое?

— Продаёт дом наш Виктор Захарович, — выговорила домоправительница и вся перекосилась. Видно, сдерживаться ей было нелегко. — Совсем продаёт, окончательно.

— Зачем?

Глаза у Нинели налились слезами, и одна всё же пролилась, капнула в тарелку.

— Не справляется, — с сердцем сказала она. — Никак не справляется. Говорит, стар стал, сил нет. Мы все ему помогаем, как можем, а он... Видите? Продаёт. И кому! Этим!..

В тарелку капнула ещё одна слеза.

Меркурьев молчал, не зная, что сказать.

— Вы меня извините, — спохватилась Нинель Фёдоровна. — Что-то я... раскисла. Вы тут ни при чём, вы отдыхать приехали!.. Сейчас горячее подам.

Василий Васильевич проводил её глазами.

Вот тебе на!.. Похожий на английского помещика хозяин продаёт такой славный, так хорошо устроенный дом на взморье! А Василий Васильевич уже надумал, как через год приедет вновь — в таком же дождливом ноябре, и встретится с домом и с хозяином, как со старыми знакомыми!..

Нельзя ни на что рассчитывать всерьёз, когда-то учила его бабушка. Ко всем своим планам и мечтаниям нужно прибавлять — как бог даст.

Не даст, и ничего не будет.

— Случится страшное, — возвестила Антипия. — Очень скоро.

— Да бросьте вы дурака валять, — сказал Стас с досадой.

— И так аппетит испортили, — поддержала его Софья. — А кухня тут почти как в Москве!.. Вызовите

лучше дух этого вашего и спросите, когда их чёрт унесёт! Так орут, аж голова заболела.

— Канта, — подсказал Стас.

— Да хоть кого! — возмутилась Софья. — Лишь бы эти убрались.

— А я и не знала, что дом продаётся, — сказала Кристина. — Мне Виктор Захарович ничего не говорил.

— Да мы-то все тут при чём? — удивился Стас. — Мы приехали и уехали, какое наше дело?!

Он прошагал к буфету, нажал кнопку на кофемашине, которая сразу ожила, замигала, заворчала, настраиваясь на работу.

— Мы спросим, — пообещала вещунья так же громко. — Мы спросим, что нас ждёт. И может быть, нам расскажут...

По комнате поплыл острый и свежий запах кофе.

Василий Васильевич справился с печенью по-берлински, подумал и попросил ещё малиновый мильфёй.

Не может быть ничего лучше холодного малинового торта с горячим кофе. Особенно вечером в ноябре, когда на улице идёт дождь.

Но почему-то мысль про дождь, ноябрь и кофе показалась ему не такой радужной, как всего час назад.

Собственно, за этот час ничего не изменилось!.. До того, как Виктор Захарович продаст дом, Меркурьев успеет десять раз уехать в Бухару.

Тогда в чём дело?..

Громкие голоса заговорили ещё громче, и нужно было делать над собой усилие, чтобы не слушать каждое слово.

— Пойдёмте в гостиную, — предложила Софья и поднялась. — Если все поужинали. Так невозможно!..

Меркурьев в гостиную не пошёл.

Он забрал свой мильфёй и кофе, тёмным коридором вышел к чугунной лестнице и устроился в крес-

ле возле круглого столика с книгой, так и лежавшей страницами вниз.

Здесь было тихо, темно и пахло дождём, цветами и немного углем, должно быть, из пасти камина.

Василий Васильевич сделал глоток, зажмурился и откинулся на спинку кресла.

Если бы у него был такой дом, он ни за что бы его не продал. Так и жил бы здесь постоянно. Нет, постоянно не выйдет, на такой дом нужно зарабатывать. Он зарабатывал бы, а дом его ждал. А потом он приезжал бы и жил.

— Да ладно тебе, — сказали в темноте, очень близко. Меркурьев сел прямо и оглянулся. — Всё уже готово.

— Готово, не готово, — раздражённо отозвался второй голос. — А если всё пойдёт не так?!

— Что тут может не так пойти?!

— Да что угодно. Вдруг старик не справится?.. А если он упустит?

— Ничего он не упустит.

Голосов Меркурьев не узнавал. Впрочем, он был уверен, что говорят жизнерадостные покупатели дома. Только... где они?.. За поворотом коридора? Или забрались в камин?!

— Давай, давай, — поторопил один из говоривших. — Времени мало!

Василий Васильевич вспомнил разговор, который он слышал из своей комнаты. Тогда речь тоже шла о времени, о том, что его мало! Но в тот момент в доме ещё не было ни Александра Фёдоровича, ни Ивана Николаевича!..

У Меркурьева была прекрасная память на имена.

Одним глотком он допил кофе, встал и огляделся по сторонам. Никого и ничего. В глубине длинного коридора теплится жёлтый свет из гостиной, по всей видимости, там готовятся к спиритическому сеансу и визиту духа Иммануила Канта. В высокое и уз-

кое готическое окно заглядывает луна — небо поднялось и очистилось, видно, идут холода.

Василий Васильевич, осторожно ступая, подошёл к входной двери и потянул. Она отворилась — неожиданно легко.

Он вдохнул холодный воздух, прикрыл дверь и немного постоял, прислушиваясь.

Никого.

Где могли прятаться те двое, голоса которых он слышал так отчётливо? Не в камине же на самом деле!..

Он взялся за перила чугунной лестницы, задрал голову и посмотрел вверх. Ничего не было видно, только терялись во мраке затейливые литые перила. Должно быть, на втором этаже тоже горит свет, но отсюда, снизу, его не видно.

Василий Васильевич двинулся по коридору к гостиной.

Позади него что-то звякнуло, и тихий звук разорвался у него в ушах как удар грома. Он замер. Потом молниеносно оглянулся.

Никого.

Меркурьев немного постоял, не шевелясь и прислушиваясь, потом вернулся к столику с оставленной кофейной чашкой.

Луна по-прежнему лила в узкое окно дрожащий синий свет, и море вздыхало за толстыми стенами: шу-уф, шу-уф!..

Василий Васильевич потрогал чашку — чуть тёплая. Кофе из неё он допил совсем недавно. Ложка брякнула о блюдце, и он узнал звук. Именно этот звук оставил его!

Но кто мог переставить чашку у него за спиной в пустом вестибюле?!

Что-то ещё тревожило его, и он никак не мог понять, что именно. Неверный лунный свет? Звуки осеннего моря?..

Внезапно ему стало страшно — одному в темноте, — так страшно, что он едва справился с собой. Больше всего ему хотелось помчаться со всех ног туда, где светло и люди, но Василий Васильевич удержался.

Громко топая — на этот раз специально! — он вернулся к входной двери и запер её на задвижку. Чугунный штырёк отчётливо клацнул.

Меркурьев решительно пошёл в сторону коридора и вдруг остановился и замер.

Книга. На столе лежала книга.

Когда он впервые вошёл в этот дом, сразу увидел книгу на резном старинном столике, лежавшую страницами вниз.

Только что он пил кофе и время от времени поглядывал на неё!..

Василий Васильевич подошёл и посмотрел ещё раз.

Книга по-прежнему была на столе, но лежала страницами вверх.

— Я не брал её в руки, — сказал Меркурьев вслух. — Точно не брал!.. И здесь никого не было!..

Голос его потерялся, пропал в дубовых панелях стен, в вышине чугунной лестницы, в провале гигантского камина.

Он ещё помедлил, а потом взял книгу в руки.

Она называлась «Философия Канта» и была открыта на пятьдесят седьмой странице.

Меркурьев поднёс её к окну и с трудом разобрал:

«Итак, философ не испытал в жизни ни сильных радостей, ни сильных страданий, которые приносят с собой страсти. Его внутренняя жизнь всегда находилась в состоянии равновесия. Сам Кант полагал, что в такой спокойной, правильной жизни, проникнутой нравственным началом, и заключается счастье человеческое, и действительно, Кант был счастлив. В глазах современников Кант представлял образец мудреца, и таким же он будет в глазах грядущих поколений,

вознесённый на эту высоту своими заслугами и чистотой своей жизни».

— И чистотой своей жизни, — дочитал Василий Васильевич последнюю на странице фразу.

Что получается? Как только он повернулся спиной, некто, в данную минуту невидимый, неслышимый и неизвестно куда скрывшийся, подкрался к резному столику, зачем-то взял книгу, перевернул её и задел при этом чашку.

Чашка звякнула, Меркурьев оглянулся, человек исчез, растворился во тьме.

Какая-то ерунда получается, и больше ничего!..

Интересно, где здесь включается свет? Нужно будет спросить у Виктора Захаровича!..

Решительно хлопнув «Философию Канта», Василий Васильевич вернул её на столик и пошёл по коридору на свет.

Из гостиной выглянула студентка и, увидев его, помахала рукой:

— Идите к нам! На улице холодно, в столовой банкет, а у нас интересно!.. Идите!

Меркурьев махнул рукой в ответ и, повинувшись духу старинного романа о привидениях, охватившего его в вестибюле, приоткрыл дверь в столовую.

Там пировали.

Двое одинаковых свинов, скинув с плеч одинаковые пиджаки, одинаково чокались стаканами. Виктор Захарович притулился рядом на краешке стула, как воробей рядом с орлами-стервятниками, терзающими добычу. Казалось, стервятники вот-вот перекинутся на воробья, только доедят павшую лань!

Вместо лани на столе были наставлены бутылки, тарелки, судки, салатники, миски, чашки. Особенно поразило Василия Васильевича заливное — огромная рыбина с пучком петрушки в зубастой пасти, словно карикатура! Из середины рыбины было уже порядочно выедено.

— Давай, Захарыч, — говорил один из пирующих, — тяпнем за наши успехи! Что бы ты без нас делал, Захары-ыч?! Кому твоя развалюха нужна! А я её покупаю!

— Пс-ст, пс-ст! — перебивал его второй. — Не ты один покупаешь, мы обое! Чего такое!

— Обое, да! Я ж и говорю!

— Какая разница, кто покупает, — Виктор Захарович махом опрокинул в себя стопку водки. — Главное, что я продаю.

— Ещё бы ты не продал, голуба! Времена сейчас тяжёлые, денежки-то все тю-тю, в трубу улетели! А я покупаю, наликом плачу, без дураков, без налоговиков!

— Обое мы покупаем, сказано!

— Да ладно, спокуха! Слышь, Захарыч, не дрейфь, мы тут нормальный комплексок забубеним, с банями, с номерочками на почасовой оплате, с девчонками-поскакушками!.. Поедет к нам народ, чего не поехать! Море — вот оно! В леске беседок под шашлыки наставим, пожарники все свои, не прицепится никто!

— Не, не, — вступил второй. — Ну, правда, отец, чего место пропадает! Оно, может, и не нужно никому, но у тебя тут вода подведена, газ, трубы проложены, все дела! Чем сначала начинать, лучше вообще не начинать.

И гости рассмеялись.

Из кухонной двери вышла Нинель Фёдоровна с огромным подносом, за края которого торчали острые пики шампуров.

За столом завывли от радости и снова столкнулись стаканами.

Заметив Меркурьева, Нинель Фёдоровна кивнула и тихонько к нему подошла, как только утвердила шашлыки в центре пиршественного стола. Она слегка подтолкнула Меркурьева в коридор, вышла следом и плотно прикрыла за собой дверь.

— Давно они закусывают? — спросил он.

Домоправительница вздохнула:

— Минут двадцать. Да как вы ушли, так они сразу и сели. Двадцать минут, а водки уже как не было. Сейчас велю ещё одну в морозилку положить, там всего две осталось...

— После ещё двух бутылок им будет наплевать, холодная водка или кипяток!..

Нинель Фёдоровна улыбнулась.

— Может, ещё десерта хотите, Василий Васильевич? Есть шоколадный торт с вишней, «Чёрный лес». Не желаете? Дурной сон, — добавила она и вздохнула. — Куда нам всем деваться? Где работу искать? Да не в том дело! Я в этом доме всю жизнь провела, вот с таких лет!

Она показала рукой с каких именно лет.

— А... остальные гости? — спросил Василий Васильевич. Он точно знал, что в тёмном коридоре за ним кто-то следил, но кто?.. — За ужином были все или в доме ещё кто-то есть?

Нинель Фёдоровна покачала головой:

— Все. У нас места мало, да и не сезон. Ещё одна особа должна пожаловать, но предупредила, что будет поздно. А почему вы спрашиваете?..

Меркурьев сказал, что интересуется спиритическими сеансами, а, по его сведениям, на таком сеансе должно присутствовать как можно больше людей.

— Да какие там сеансы!.. Всё глупости, дамские штучки! Или вы тоже... в духов верите?

Меркурьев пожал плечами.

— Хозяйка, — заревели из столовой. — Хозяйка, водку неси!

— Извините меня, — шепнула Нинель Фёдоровна. — Я должна подать.

Странное дело. Выходит, в вестибюле никого быть не могло. Но ведь кто-то переложил книгу и задел при этом чашку!

Василий Васильевич вошёл в гостиную, где всё было приготовлено для спиритизма — круглый стол в центре под лампой, какие-то бумаги с нарисованными символами, тарелка со стрелкой, похожая на часы.

Меркурьев взглянул на тарелку.

— Любопытство одолело? — спросила Софья. — Или скука? Заняться нечем? Пойдёмте гулять! Дождя нет, сейчас на море так романтично и страшно! Вы любите, когда страшно?

— Вы всё время были здесь?

— То есть?!

— После ужина вы перешли в гостиную все вместе?

Софья взглянула на него — иронически.

— А что такое?

— Да, да, мы все пришли сюда, — нетерпеливо сказала Кристина. — Только вас ждём! Без вас наша колдунья вызывать Канта отказывается. Мы её уговаривали, уговаривали, а она ни в какую!..

— Я не колдунья, — возразила Антипия. — Я посредник между мирами. Так научил меня великий Сантана. Слишком тонка междувселенная ткань, но зато как прочна! Преодолеть её могут единицы. И я преодолеваю, когда мне позволяют высшие силы.

Меркурьев прошёл к буфету, подумал и налил себе джина и тоника. Лёд приятно клацал и шипел в газированной воде.

— Странная штука, — сказал он. — А мне показалось, кто-то разговаривал в коридоре. В том, что ведёт к чугунной лестнице.

— Правда, классная лестница?! — спросила Кристина. — Между прочим, подлинный модерн, железоделательный завод во Франкфурте, там клеймо стоит. Начало двадцатого. Века, я имею в виду! Я потом непременно её сфотографирую.

— Да этого модерна по всей России сколько угодно. — Стас пожал плечами. — Кругом один модерн!

— Да ладно. И потом, тут немецкий модерн!

— Он везде одинаковый.

Софья, которой надоели дети с их препирательствами и Василий Васильевич с его тугоумием, взяла его под руку и спросила, когда они пойдут на маяк.

— Прямо завтра, — немедленно согласился Меркурьев. — С утра.

Софья тонко улыбнулась.

Выходит, обстановку она оценила правильно, и её ожидает осенний прибалтийский лёгкий роман с привкусом тумана и кофе, с запахом опавших буковых листьев. Осталось только придумать, как утром нарядиться, чтобы поразить инженера. Софья была уверена, что поразить его ничего не стоит.

— Давайте свет гасить, — сказала Кристина. — Антипия, мы же должны выключить свет?

— Духи приемлют только тьму. Из тьмы выходят, во тьме существуют и во тьму возвращаются. Свет для них слишком беспощаден.

Стас выключил электричество, а Кристина поплотнее задёрнула шторы. Последовательница великого Сантаны и посредник между мирами затеплила свечу в бронзовом канделябре. Василий Васильевич наблюдал с большим интересом и заметил, что свечу она зажгла обыкновенной пластмассовой зажигалкой, очень деловито, и так же деловито спрятала зажигалку в недра своих шелков.

— Садитесь вокруг стола, — произнесла Антипия особенным голосом. — Беритесь за руки и думайте о том, что хотите узнать. Ни один из вас не должен сомневаться, иначе дух не явится.

— Никто ни в чём не сомневается, — пробормотал Василий Васильевич.

Справа от него оказалась Софья, сразу же вложившая в его ладонь пальцы, а слева Стас. У него рука была большая и до того влажная, что Меркурьеву немедленно захотелось вытереть свою о брюки.

Светом свечи были озарены только середина стола и лица сидящих. Антипия закрыла глаза.

— Мир теней и снов, мир тонких иллюзий, откройся перед нами, яви нам обитателей своих, — начала она, закрыв глаза. — Мы, находящиеся по эту сторону стены, смиренно просим отправить к нам посланника, дух великого Иммануила Канта. Пусть явится он на короткое время, ответит на наши вопросы, поможет разрешить неразрешимое, увидеть невидимое. Слышно ли меня там, по ту сторону?

Свеча потрескивала, и отдалённо шумело море: шу-уф, шу-уф.

— Слышит ли меня повелитель теней и снов?

Меркурьев вздохнул. И тотчас же его правую руку легонько сжали тонкие пальцы Софьи.

Неужели это я сижу тут в темноте и жду, когда мне явится дух Канта, подумал Василий Васильевич. Что со мной такое?!

Свеча затрепетала, пламя заметалось из стороны в сторону.

— Понимаю, — нараспев произнесла Антипия. — Ты близко. Я жду тебя.

Она покачивалась из стороны в сторону, как заведённая. Слабый отсвет пламени то ложился на её лицо, то оно совсем исчезало во мраке.

«Что я знаю про Канта? — продолжал думать Василий Васильевич, которому совсем нечем было заняться и стало неинтересно. — Знаю, что он философ, написал «Критику чистого разума», жил в Кёнигсберге, и горожане сверяли по нему часы — он всегда в одно и то же время проходил по одним и тем же мостам и улицам. Больше ничего не знаю. Философию в университете нам читали плохо, без огонька. Да мне было не до философии!..»

Свеча неожиданно погасла, словно её задули. Стало совсем темно, и нежные пальчики Софьи впились в его ладонь. Василий Васильевич осторожно

пожал их в ответ — мало ли, может, на самом деле боится!..

— Я жду, — раздался голос Антипии. — Ты здесь, дух? Если здесь, подай знак.

Стол под локтями Василия Васильевича вздрогнул, приподнялся и опустился со стуком. Видимо, Кант подал знак.

— Мы ждали тебя! — провозгласила вещунья ликующе. — Скажи, что нас ждёт завтра? Добро?

Ничего не происходило. По всей видимости, дух Канта раздумывал, что ждёт завтра столь разношерстную компанию.

— Нас ждёт зло? Ответь! Зло рядом с нами?

На этот раз Кант собрался с мыслями, потому что стол подпрыгнул и стукнул.

— Зло придёт от нас? — продолжала вопрошать Антипия.

Стол подпрыгнул дважды.

— Зло придёт не от нас, — констатировала ведунья. — Оно постучит в двери?

Канта, по всей видимости, забавляло происходящее, потому что стол опять ощутимо подпрыгнул!..

Вот как она это делает, думал Василий Васильевич. Никаких её движений не заметно, хотя темно, конечно, но глаза уже более или менее привыкли. И стол довольно тяжёлый, плотного старого дерева, на монолитной слоновьей ноге. Или в мистификации участвует хозяин дома, и к столу подведён некий механизм?..

За стеной вдруг что-то упало с приглушённым грохотом. Упало, покатилося, следом заревели медвежий голоса:

— Ах, какая женщина, какая женщина, мне б такую!..

Василий Васильевич замер. Как-то старик Иммануил выйдет из создавшегося неловкого положения?..

Свеча зажглась словно сама собой.

Антипия выдернула свои ладони из рук соседей, закрыла лицо.

— Он ушёл, — выговорила она из-за ладоней. — Он нас покинул. Он не вернётся.

— Жалость какая! — пробормотал Василий Васильевич, поднимаясь.

Кристина вскочила, побежала и включила свет. Все зажмурились.

Нужно будет потом слазить под стол, провести обследование на предмет механизмов. Разумеется, разоблачение Антипии в планы Меркурьева не входило, но ведь интересно!..

— Не моя ты, не моя, — продолжали завывать за стеной, — отчего же я тоскую?..

Кристина собрала со стола бумажки с неведомыми знаками и положила перед вещуньей.

— Вчера дух надолго приходил, — сказала она Меркурьеву. — На все вопросы отвечал.

— Вчера тоже Кант являлся?

— Нет, вчера была королева Брунгильда. Она мне сказала, что я в этом году выйду замуж по любви и по расчёту. — Кристина засмеялась, спохватилась и посмотрела на Антипию. — Только я не поняла, как это — и по любви, и по расчёту.

— Мало ли как бывает, — сказал Василий Васильевич. — Что у вас за кольцо? Такое гигантское?!

Кристина посмотрела на свою руку и спросила:

— Это? — словно на каждом пальце у неё было по кольцу.

Меркурьев кивнул.

— Это изумруд, — сказала Кристина. — Хотите посмотреть?

И она сняла кольцо и сунула Василию Васильевичу.

— Нет! — вскрикнула вещунья и поднялась в ужасе. Меркурьев от неожиданности чуть не уронил драгоценность. — Положите! Положите его на стол!

Меркурьев ничего не понял.

Антипия, обмотав руку шелками, вырвала у него кольцо и опустила на стол так осторожно, словно оно могло взорваться.

— Никогда, — сказала она Кристине. — Никогда не передавайте это кольцо из рук в руки! И никакого не передавайте! Вместе с кольцом вы отдаёте весь цикл вашего бытия! Поле может замкнуться. Кольцо можно только положить, лучше всего на деревянную поверхность. Дерево немного нейтрализует течение силы.

— Можно посмотреть? — перебил её Василий Васильевич, который и про кольцо-то спросил просто так, потому что ему нравилась Кристина.

Изумруд — если настоящий, конечно, — был каких-то невиданных размеров. На самом деле Меркурьев никогда не видел таких камней! Может, только на экскурсии в Грановитую палату в далёком детстве.

Стас подошёл и тоже стал рассматривать.

Изумруд был огранён особым образом, в мельчайших гранях плескался и переливался свет, и от этого казалось, что камень светится сам по себе.

При такой огранке, подумал Василий Васильевич, достаточно малейшего источника света, и камень будет загораться, как будто внутри у него лампочка.

— Ничего не понимаю в женских штучках, — сказал Стас. — Но эта красивая. Дайте я гляну.

— Только через стол! — вновь вскричала Антипия, и Василий Васильевич чуть было не уронил «штучку».

— Где оно сделано? — спросила Софья с интересом. — Италия, что ли?

— Изумруд индийский, — ответила Кристина беззаботно. — А где кольцо сделано, понятия не имею.

— Он что, настоящий?!

— Ну да.

— Не может быть, — произнесла Софья почти с ужасом. — Не бывает таких настоящих! Сколько в нём карат?

— Не знаю. Что-то около двенадцати, кажется.

Оправлен камень был очень просто — двойная полоска тёмного золота и больше ничего. Василий Васильевич смекнул, что две полоски придуманы неспроста, на одной такой камень просто не удержался бы.

— Оно очень старое, — сказала Кристина. — Прямо очень!.. Сейчас все говорят — фамильные драгоценности, фамильные драгоценности! Раз от бабушки досталось, значит, фамильное. Этот изумруд бабушка получила от прабабушки, а та от её бабушки и так далее. Верните мне его, пожалуйста.

Меркурьев отдал ей кольцо. Она водрузила его на палец и полюбивалась немного.

— И что? — спросила Софья. — Бабушке от прабабушки, а дальше?

— Дальше мы не знаем, — ответила Кристина. — Мы не разбирались.

— Почему?!

— Нельзя, — сказала студентка. — Запрещено.

— Кем?!

Крис пожала плечами и сказала, что, пожалуй, пойдёт спать. У неё есть книжка «Старый Кёнигсберг», она за неё ещё не принималась, а ей к диплому нужно готовиться.

Василий Васильевич проводил её до чугунной лестницы.

— Где здесь свет зажигается, не знаете?

— Знаю, с той стороны. Там такая медная пупочка, потяните её вверх.

Василий Васильевич нашарил «пупочку» и потянул. В вышине затеплилась слабая люстра.

Кофейная чашка и книга «Философия Канта» по-прежнему были на столе. Только «Философия» лежала страницами вниз.

Меркурьев вздохнул, подошёл и посмотрел. Книга была открыта на пятьдесят седьмой странице.

«Философ не испытал в жизни ни сильных радостей, ни сильных страданий, которые приносят

с собой страсти. Его внутренняя жизнь всегда находилась в состоянии равновесия. Кант представлял образец мудреца, и таким же он будет в глазах грядущих поколений, вознесённый на эту высоту своими заслугами в области философии и чистотой своей жизни».

— Кто здесь читает Канта, не знаете, Кристина?

Студентка пожалала плечами. Она стояла на лестнице, облокотившись о чугунные перила.

— Зовите меня Крис, — предложила она. — А лучше Мышь.

— Мышь, — задумчиво проговорил Василий Васильевич, — прекрасное имя для девушки. Крис — Крыс — Мышь, правильно я понимаю последовательность?

— Правильно! — отозвалась новоявленная Мышь. — А я вас буду звать Васей.

— Логично.

— Моё имя мне совсем не нравится, — продолжала Мышь. — Когда я родилась, в моде были Кристины, Анжелы, Камиллы, Перпетуи.

— Не знаю ни одной Перпетуи.

— Лучше б я была Перпетуей.

— И всё же кто читает эту книгу?

— Никто, — заявила Мышь. — Она лежит здесь просто так, для красоты. В окрестностях Кёнигсберга обязательно должно быть нечто, связанное с Кантом! Спокойной ночи!

И большими прыжками Крис-Мышь понеслась вверх. Лестница одобрительно загудела.

Василий Васильевич закрыл книгу, вернул её на стол и отправился к себе.

Из столовой тянуло сигаретным дымом и доносились гогот и голоса:

— Слышь, Санёк, а он мне и говорит, значит, чтоб я отваливал, а я ему на это: чё ты быкуешь, блин!.. Ты кто есть такой! А я ему — ты с кем базаришь, мелюзга

неумытая, когда я есть правая рука самого Санька Морозова, Алексан Фёдорыча, дорогого нашего!

— А он чё тебе на это?

— погоди, давай накатим за дружбу! За тебя, Санёк! Где бы мы были, если бы не ты и не умище твой!

Василий Васильевич миновал столовую, поднялся на второй этаж, закрыл за собой дверь на лестницу. В коридоре было тихо и темно. Он вошёл в свою комнату и с удовольствием потянулся.

Здесь не было слышно ничего, кроме шума моря и шелеста листьев.

Не зажигая света, он стянул одежду, пошвырял как попало и бухнулся в прохладную постель. Тотчас в голове всё сдвинулось и поплыло: шумные бухарцы, ковровые тюки, дорога, дом с черепичной крышей, вещунья в разноцветных шелках, перстень со странным горящим камнем, готическое окно, трепет свечи, громыханье стола, «Ой, мороз, мороз», который слёзно выводили свины.

До чего хорошо, успел ещё подумать Василий Васильевич, и уснул.

Он добежал до конца «променада» — вдоль пляжа под откосом была проложена деревянная широкая дорожка на сваях, — и не встретил ни одного человека. Море плескалось в двух шагах, тихое, ласковое, совсем не такое, как вчера, и солнце казалось почти летним. «Променад» заканчивался лестницей на косогор. Меркурьев, тяжело дыша, оценил лестницу и понял, что ему её не одолеть.

— Слаб стал, — сказал он себе и откашлялся.

Ещё в Бухаре решено было бегать каждый день, не слишком много, десяточку, а если десяточку сразу тяжело, начать километров с семи. Хитроумные часы, считавшие маршрут, показывали, что пробежал он всего пять, но сил не осталось.

Он приказал себе собраться и двинулся в обратный путь. Ноги несли его с трудом.